

МАРЛЕН

Темные улицы, грохочущие трамваи, разносчицы, продающие горячие франкфуртские сосиски, нищие, полицейские... Вереницы проституток — на все вкусы и цены, предложение во много раз перекрывает спрос. Это Берлин 1922 года: великая война проиграна несколько лет назад, и Германия оцепенела от нищеты и унижения — прежняя жизнь кончилась, новая не задается, а город между тем развлекается как никогда.

Джаз-банды, кафешантаны, рестораны, дансинги, ночные клубы, бордели — люди танцуют, пьют и стараются не думать о том, что будет завтра. Веселый город, мрачный город, город, в котором нельзя соскучиться и очень легко пропасть...

...Пока что ее зовут Мария Магдалина Дитрих, и она, второразрядная актриса, мечется с одного конца Берлина на другой — за один вечер девушка успевает выйти на сцену в трех-четырех спектаклях. Красивое лицо, плоская грудь, великолепные ноги, чуть хриловатый, не слишком глубокий голос. Перспектив у Лины немного — таких, как

она, в городе тысячи. Маленькая эстрада, звон бокалов, густой сигаретный дым... Она выходит на авансцену в шелковом цилиндре и мужском фраке и поет, поет своим низким, почти мужским голосом — завсегда таи хлопают, коллеги в ожидании своего выхода переминаются с ноги на ногу за кулисами.

Мария Магдалина Дитрих снует по берлинским театрикам как заведенная, не пропуская ни одной пробы, ни одного показа, ни одного — пусть даже самого пустячного — просмотра. Дома у нее уже составилась небольшой гардероб, где все пронумеровано и сложено как подобает: ей есть в чем играть и уличную торговку, и проститутку, и светскую даму. (Из одного театра

фрейлейн Дитрих стянула потрясающую шляпу с черным пухлятым пером, из другого — длинные черные перчатки, из третьего — умопомрачительную блузку.) Нынче надо предстать во всем блеске, и она нацепила на себя пиратскую шляпу, платье из панбархата, на плечи накинула рыжую лису, а в глаз вставила отцовский монокль — зрелище вышло совершенно умопомрачительное. Шелкает фотокамера, вспышка выхватывает

из полумрака это странное существо: глаза мадонны, арийский подбородок, выправка гвардейского гренадера — и уныло свисающее с красивых плеч дохлое животное. Молодой помощник режиссера, набиравший артистов, даже присвистнул от восторга. Так Лина Дитрих встретила своего будущего мужа, друга, советчика, арти-

стического агента — через полчаса он пригласит ее на ужин, через месяц предложит руку и сердце и меньше чем через семь лет сделает свою жену знаменитой Марлен Дитрих.

Рудольф Зибер, ветеран Первой мировой войны и недоучившийся студент-медик, бонвиван, гурман, любимец женщин и великий мастер устраивать свои и чужие дела, описывал нача-

ло карьеры жены именно таким образом: она стояла в своем дурацком зеленом платье, дырявых черных перчатках, которые носили шлюхи, и рыжей лисе, замкнутая и скованная, а поглядите-ка на нее сейчас! Марлен не спорила — мамочка приучила ее к тому, что слово мужа для жены должно быть законом.

...В те далекие годы Берлин не был еще Содомом и Гоморрой: их большой дом сверкал полированным паркетом, хрусталем и

столовым серебром; белое как снег, наглаженное до хруста постельное белье пахло лавандой, на мамочке было нежно-серое платье из тончайшего китайского шелка, а папочка красовался в темно-фиолетовом мундире с золотым галуном. Он происходил из знатного и многочисленного семейства фон Дитрихов, считался горем семьи и гордостью

своего полка, а мамочка была дочкой богатого ювелира — титул женился на деньгах, и на свет Божий появилась Мария Магдалена. От такого имечка бросит в дрожь любую нормальную девочку, и она придумала себе другое имя — Марлен. Об этом не знали ни папа, ни мама: первому не было особого дела до семьи, а вторая, родившая двух дочерей и отлученная мужем от спальни,

Марлен надела пиратскую шляпу, на плечи накинула рыжую лису, а в глаз вставила отцовский монокль — зрелище вышло умопомрачительное

Марлей Дитрих в фильме Джозефа фон Штернберга «Обесчещенная» (1931 г.)

держала свое потомство в прусской строгости и никакой Марлен бы не потерпела. Английский, французский, музыка, правописание; девочки прибегали из гимназии и начинали хлопотать по дому, затем готовили уроки, и свободные полчаса им выпадали только перед сном. Прижатые к бокам локти, прямые, как отцовский палаш, спины, скромно потупленный взгляд: мамочка вымуштровала Марию Магдалину так, как папочке не удавалось выдрессировать свой эскадрон. Пройдут годы, но и тогда Марлен Дитрих будет ей благодарна за выучку.

Кто, кроме нее, сможет без единой жалобы выдерживать десятичасовые съемки: здоровенные осветители валяются с ног, а звезда за весь день ни разу не попросилась в уборную? Кто еще может

Рудольф Зибер отошел на второй план: он давал жене хорошие советы и брал у нее деньги, но дверь в спальню Марлен отныне закрылась для него навсегда

сверкнуть таким взглядом — настоящим взглядом прусского офицера, жестким, пронизывающим, налитым кайзеровским свинцом? Красотой Марию Магдалину наделил обожаемый, погибший на войне папочка, железную волю, достойную дочери прусского дворянина и кайзеровского офицера, в ней воспитала непреклонная и методичная мамочка. Марлен всегда помнила, чья она дочь, — а Руди мог говорить что угодно.

Умение устраиваться в жизни — великий дар: Рудольф Зибер был, в сущности, никем, но ему всегда удавалось замечательно обустроить свой быт. Откуда у фрау Зибер это фантастическое норковое манто, которое она небрежно швыряет на пол в передней? Почему герр Зибер ездит на дорожном «Родстере»: хромированный бампер, откид-

ной кожаный верх и под рулем — хитрая английская машинка, после поворота специального рычажка выбрасывающая ему в ладонь уже прикуренную сигаретку? Ответа нет — Руди Зибер был гением приспособляемости, как и на что жила его семья до 1929 года, знал только он. А в 1929 году Марлен Дитрих, поемногу приобретающая известность актриса и певица, встретилась с американским режиссером Джозефом фон Штернбергом, и герр Зибер отошел на второй план. С тех пор и до конца жизни его супружеская роль сводилась к тому, что он давал ей хорошие советы и брал у нее деньги. Советы и в самом деле были отличными, без них она, пожалуй, не стала бы той самой Дитрих — единственной и неповторимой! Но дверь в спальню жены отныне закрылась для Руди навсегда.

Джозеф фон Штернберг, толстый, блестяще одаренный немецкий еврей тридцати пяти лет, сделавший карьеру в Голливуде и вернувшийся в Германию снимать первый на студии «УФА» полнометражный звуковой фильм, был без ума от явившейся на пробы светлоглазой блондинки. Кинопроба началась: шелкает вспышка, свет выхватывает из полумрака стройную, чуть полноватую даму в строгом костюме и белых лайковых перчатках, спокойно глядящую Джозефу фон Штернбергу прямо в глаза. Они еще не знают, что их свела сама судьба: Марлен sloмает ему жизнь, а он превратит ее в великую актрису, живое произведение искусства, один из ключевых символов первой половины XX века.

Звездой «Голубого ангела» должен был стать знаменитый актер Эмиль Яннингс, но Дитрих постепенно оттесняет его на задний план: фон Штернберг виртуозно владеет звуком и цветом, и Марлен превращается в богиню — воплощение женственности, порока и красоты. У кого еще такое совершенное лицо, такой ясный взгляд холодных глаз, в ком еще живет такая загадка? Она и в самом деле прекрасна, фон Штернберг влюбляется в нее все больше и больше и в результате превосходит самого себя. Фильм выходит на экраны, и Берлин сходит с ума — город бредит ее белым поясом и чулками с кружевными подвязками. Поклонником Марлен становится никому не известный отставной ефрейтор, кавалер двух железных крестов, не-

Руди Зибер был гением приспособляемости, как и на что жила его семья до 1929 года, знал только он

После фильма «Голубой ангел»
Марлен Дитрих стала кумиром
Германии и лично Адольфа Гитлера

Величавая стать, светлые глаза, высокие скулы — у госпожи Дитрих есть все, чтобы стать олицетворением загадочной и изысканной европейской аристократки (на снимке: с дочерью Марией)

удавшийся художник, начинающий политик, некто Адольф Шикльгрубер, он же Гитлер — невзрачный, вечно недоедающий, страдающий манией честолюбия молодой человек. Он вместе с тысячами берлинцев встречает ее аплодисментами у кинотеатра, где состоялась премьера, — из толпы летят цветы, и фрау Дитрих ловко ловит розу, которую ей бросил худой господин с чаплинскими усиками и падающей на потный лоб челкой. На секунду они встречаются глазами, и Марлен улыбается ему так, как умеет только она: загадочно и нежно. Адольф Шикльгрубер навсегда запомнит улыбку белокурой богини (в тот день ему пришлось обойтись без ужина — денег, которые он истратил на розу, как раз хватило бы на кусок ливерной колбасы и кружку пива). А она

забудет и его, и свою первую в жизни овацию — у Марлен Дитрих впереди очень много цветов.

...Поезд несет ее через всю Америку, из Нью-Йорка в Голливуд — там кинозвезду ждут огромный дом, набитый коврами и антикварной мебелью, серебряными и золотыми столовыми приборами, большой сад, который облагораживают пять садовников-японцев.... Марлен Дитрих купила студия «Парамаунт пикчерз» — пятьсот долларов в неделю, на следующий год жалованье увеличится. Экспресс подходит к перрону, репортеры шелкают блицами, человеку «Парамаунт» распахивает дверь вагона и ведет Марлен Дитрих к большому черному автомобилю. Скоро начнутся новые съемки, и Джозеф фон Штернберг опять превратит ее в совершенство, а потом — в миф, идол, воплощение вечной красоты, и такой его музу запомнят навеки.

Она встает в шесть утра и выпивает стакан воды с английской солью — если не было съемок, Дитрих ела ржаной хлеб с паштетом и гусиным салом, отбивные котлеты и маринованную селедку, но когда наступало время X, она переходила на грубое слабительное и выглядела как богиня. После этого дочка (ей было девять лет, но прессу Марлен уверила в том, что малышке Марии всего шесть) обматывала кинозвезде грудь скотчем. Малютка свое дело знала, и через минуту два дряблых мешочка, которыми мамочку наградила природа, выглядели божественно — по крайней мере под одеждой. Затем — уже на студии — она надевала отглаженное платье (каждый из съемочных нарядов Дитрих был произведением искусства), гримеры колдовали над ее лицом, на Марлен натягивали перчатки, такие тесные, что она едва могла пошевелить пальцами, — зато теперь ее большие руки смотрелись идеально. Вспыхивали софиты, фон Штернберг, словно безумный, сновал вверх и вниз на огромном подъемнике, а Марлен наблюдала за своими движениями в огромное подсвеченное, укрепленное за кинокамерой зеркало. Она отслеживала каждый свой жест, каждый вздох, каждый взмах ресниц.

Фон Штернберг орал, колдовал со звуком и цветом, без конца заставлял повторять одну и ту же сцену — и к концу съемочного дня у Дитрих ноги стирались в кровь. Но даже сломав лодыжку, она продолжала сниматься и никто не услышал от нее

ии жалобы, ни слова. Мамочка научила ее, что свое дело надо делать хорошо, — она его так и делала. И родился шедевр за шедевром — от «Марокко» до «Красной императрицы». А когда съемки заканчивались, богиня с наслаждением набивала желудок франкфуртскими кровяными колбасками, а отъевшись, отправлялась на прогулку с очередным поклонником.

Дочь, садовники, служанки, шофер наблюдали, как к ней приезжали Морис Шевалье, Кларк Гейбл, Ноэл Коуард... Шкатулка, в которой она держала иголки, наполнялась элегантными дорогими кольцами — каждый из тех, кому она себя дарила, думал, что он — единственный, и мечтал остаться с ней навсегда. Они уходили рано утром, а потом, приняв душ и побрившись, приезжали завтракать — Мар-

лен любила просыпаться одна (и не хотела, чтобы мужчина, с которым она провела ночь, видел ее грудь). За яичницей с беконом и чашкой великолепного кофе баскетболист Джонни Маккалиф, актер Брайан Эхерн, теннисист Фред Перри или какой-нибудь не вошедший в историю сценарист, певец, плей-

На Марлен натягивали перчатки, такие тесные, что она едва могла пошевелить пальцами, — зато теперь ее большие руки смотрелись идеально

Джозеф фон Штернберг сделал из Марлен звезду, а она разбила ему сердце

бой (их список поистине бесконечен) встречался с фон Штернбергом, который все больше сутулился и мрачнел. Когда из Германии приезжал законный муж Дитрих, Рудольф Зибер, они чудесно завтракали впятером — пятой была ее дочка (год проходил за годом, а малышке все еще было шесть лет)...

Самым поразительным было то, что Марлен действительно любила их всех. Любила своего обаятельнейшего, обладавшего приспособляемостью хамелеона мужа Руди (он так мил!), любила неуклюжего, чувствительного, постоянно ругающегося с ней фон Штернберга (он гений, он столько для нее сделал!), любила баскетболиста Маккалифа, любила весь тот сонм героев-любовников, с которыми она снималась. Если бы она могла им принадлежать без этой дурацкой,

унизительной для женщины постельной суеты, когда мужчина сперва минут пять возится на ней и сопит, как свинья, а после бестактно засыпает, Марлен была бы счастлива. Она обожала ласки, но не секс. Идеальными любовниками ей казались импотенты — но даже они, проведя время в ее обществе, начинали верить в свои мужские силы, чудесным образом излечивались и с удвоенным пылом принимались за постылую постельную гимнастику. А Марлен привлекали не столько красивый

торс и темперамент любовника, сколько хорошие мозги и острый язык — она и сама была умна, ее язычок ранил, как отточенная рапира. У нее не было почти ничего своего: дом и прислугу, садовников, шофера, телохранителей, машину, посуду и постельное белье ей оплачивала студия, но по отношению к мужчинам она оставалась величайшей собственницей, мгновенно присваивая каждого показавшегося ей достойным. То,

что у нее уже были другие, Марлен Дитрих не оставляло, и она не считала нужным с ними расставаться. У нее и бриллиантов много, но ведь не выбрасывать же их, когда Джо Штернберг дарит очередной сапфир или кто-то другой преподносит браслет, украшенный крупным изумрудом?

Мещанская мораль была ей смешна — как-никак за плечами Марлен осталась юность в богемном бесшабашном Берлине. Она первой надевает мужские брюки и, похожая на хорошенького мальчика, появляется на светских приемах во фраке и цилиндре, а во время съемок запирается в своем вагончике не только с Гэри Купером, но и с Мэй Уэст. Марлен сочиняет чудесные баллады и сама их поет, прекрасно пишет маслом — она кажется богиней на экране и в жизни тоже чувствует себя богиней. Все, чем прекрасен мир,

Шкатулка Марлен наполнялась дорогими кольцами — каждый из тех, кому она себя дарила, думал, что он — единственный, и мечтал быть с ней всегда

Ремарк казался Марлей идеальным мужчиной: знаменитость, аристократ духа, безупречный джентльмен

Марлен считает своей собственностью — и берет это легко и непринужденно, ни о чем не задумываясь...

...Пароход называется «Бремен», он принадлежит германской компании и построен по-нордически — основательно, тяжеловесно, с готическими причудами. В салонах много темного резного дуба, стюардов отличают суровый вид и безукоризненная выправка, старший помощник капитана щелкает каблуками так, как это делал папочка. Он польщен тем, что их судну оказана такая честь — подумать только, величайшая немецкая кинозвезда Марлен Дитрих плывет в Европу на их пароходе! Актриса кивает головой и принимает нарочито томный вид: после того как трест независимых владельцев кинотеатров внес ее имя в список «звезд — губительниц кассовых сборов», студия «Парамаунт» поспешила от нее отделаться, и Европа показала Марлен лучшим местом, где можно переждать и развеяться. Фон Штернберг, измученный бесконечными интеллектуальными дуэлями, уставший от новых лиц за завтраками, ее оставил, другие режиссеры не годились ему и в подметки. Что ж, значит, Голливуд должен отдохнуть от Марлен Дитрих, а Старый Свет будет ей рад.

В Европу Марлен Дитрих привезла двести семьдесят тысяч долларов, там заработала еще столько же и потратила почти все деньги на платья, отели, костюмы для мужа, подарки любовникам, раннюю клубнику, драгоценности, китайский фарфор и пармские фиалки, которые очень любила. В Париже она записала несколько пластинок и завела роман с одним из Ротшильдов; в Вене сшила несколько костюмов для Руди (в мире нет портных лучше, чем братья Кнайзе!) и соблазнила первого певца венской оперетты, несравненного Ганса Ярая, красавца с чудным баритоном и крепкими ляжками, немного похожего на пышно украшенный взбитыми сливками венский торт. В Лондоне рассталась со своим старым любовником, талантливым актером Брайаном Эхерном, и чуть было не выручила из неловкого положения династию Виндзоров: король как раз собирался отречься от престола, чтобы жениться на американке миссис Симпсон, и мисс Дитрих попыталась выбить из него эту блажь. Действовала она, как всегда, решительно, и ее машину несколько раз видели у подъезда дворца — причем глубокой ночью.

В предвоенной Европе жизнь и вправду была хороша: на курорте в Антибе дамы пахли морем, а воздух благоухал драгоценными французскими духами и в ее бокале искрился свежесжатый лимонад... Тут-то к их столику и подошел невысокий человек с прусской выправкой и умным, добрым и в то же время немного лисьим лицом. Он слегка поклонился, щелкнув каблуками (в этот момент Дитрих снова вспомнила папочку):

— Мсье, мадам, разрешите представиться. Эрих Мария Ремарк...

Так она нашла свою первую идеальную любовь и совершенно потеряла голову: дочка, учившаяся в швейцарском пансионе, стала получать письма то из Венеции, то из Флоренции, то из Испании. Ремарк был восхитителен: гениальный писатель, настоящий джентльмен! К тому же он очень сильно пил, а Марлен Дитрих обожала спасать мужчин. По утрам, после того как засидевшегося в местном кабачке Ремарка на руках относили в номер, Марлен появлялась у него с термосом своего знаменитого мясного бульона и принималась отпаивать любимого с ложечки — это помогало, бульон она и в самом деле варила замечательно.

Сильная, волевая, целеустремленная женщина не может долго оставаться с человеком, методично занимающимся саморазрушением. Марлен влюблялась, как девочка, и в то же время сохраняла потрясающее здравомыслие: Джон Гилберт, знамени-

Жан Габен был сдержан, немногословен, по-крестьянски основателен, очень силен, и она осаждала его, как хорошо укрепленную крепость

тый голливудский актер и хронический алкоголик, тоже был одним из тех, кого она спасала. В тот раз бульон не помог, Джон умер от инфаркта — это произошло ночью, и она как раз находилась в его постели. Другая бы на ее месте растерялась, но Марлен действовала по-военному четко и решительно: позвонила врачу, быстро оделась, собрала свои вещи, потом вызвала машину (водить она не умела) — и стремительно исчезла из его дома. На следующее утро она спокойно занималась своими делами: ordnung ist ordnung, работа прежде всего.

Но Ремарк — совсем другое дело: Марлен не боялась, что эта связь ее скомпрометирует, и не жалела на него ни сил, ни времени. Ремарк был гением, титаном духа — а перед

такими людьми Марлен Дитрих преклонялась. Причем преклонялась буквально: при первой встрече (но только когда они оставались с глазу на глаз) она опускалась перед великими мира сего на колени. Эта странная привычка была не только трогательна, но и весьма полезна. Из мастерской известного скульптора Джакомо Марлен вышла, прижимая к груди увесистую скульптуру, де Голль впоследствии наградил ее тремя орденами Почетного

легиона: сперва Дитрих стала шевалье, затем офицером, а потом и командором ордена. А семидесятидевятилетний, высокий, как жердь, и бородатый, как индийский брамин, Бернард Шоу, перед которым она тоже встала на колени, по ее собственным словам, начал с того, что немедленно расстегнул ширинку. «А уж затем, — добавляла она, — мы как следует поговорили».

На самом деле все могло быть и не так — Марлен ради красного словца порой не щадила и себя самое. Но Ремарк — это святое: умный, нежный, беззащитный, одухотворенный и в придачу ко всему по-немецки воспитанный! Когда Гиммлер прислал в Париж своих людей, которые должны были уговорить Марлен вернуться в Германию и «стать лидером немецкой киноиндустрии», она, не долго думая, спрятала возлюбленного в ванной.

Он был убежденным антифашистом, из Германии ему пришлось бежать. А ее там по-прежнему ценили: все фильмы фон Штернберга были сожжены, но «Голубого ангела» нацисты не тронули, и Мадлен знала, что Гитлер смотрел его несколько раз. Она была образцом арийской породы, происходила из отличной семьи, и два рослых светловолосых молодых человека с голубы-

Мещанская мораль была ей смешна — Марлен первой надевает мужские брюки и появляется на светских приемах во фраке и цилиндре

ми глазами и бычками затычками, затянутые в элегантные черные униформы, битый час сторожили дверь, пока толстенький нацистский эмиссар уговаривал ее вернуться на Родину — Ремарк в это время любовался на нежно-голубой кафель и махровые полотенца. Через несколько лет люди в черной и болотно-зеленой униформе триумфальным маршем пройдут по Елисейским полям, и тот, кто много лет назад бросил Марлен розу, наконец-то осматривает и Парижскую оперу, и Эйфелеву башню. Это произойдет очень скоро — но пока что Париж был восхитителен!

Они гуляли по нему все вместе: Марлен, ее дочь, Руди, Ремарк, и парижане шли за ними толпой: они не свистели, не хлопали, не пытались заговорить — они просто смотрели на нее. Мужской фрак, зачесанные назад светлые волосы, бледное тонкое лицо — Дитрих была прекрасна. Предвоенная эпоха доживала свои последние дни, и Марлен казалась ее живым воплощением — таким же стильным, таким же порочным, таким же пленительным и обманчивым: люди смотрели на нее и чувствовали, как у них перехватывает дыхание.

А потом была война и бегство под бомбами немецких пикировщиков к морю на «Альфа-Ромео» Ремарка. Затем — малоприятное путешествие через Атлантику на потускневшем, набитом пассажирами, убегавшем от немецких подводных лодок трансатлантическом лайнере. В Нью-Йорке Дитрих разобралась с таможенной, пытавшейся взять с нее налог с вывезенных из Европы денег, возобновила старые связи и... отстранила от себя Ремарка.

В Америке он растерялся и поблек — войне, казалось, не было конца, и он считал, что игра уже проиграна: можно проститься не только с Германией, но и с Европой. Ремарк целыми днями просижи-

вал в своем бунгало, среди любимых чудом спасенных картин (Ван Гог, Гоген, Матисс, Сезанн), пил и время от времени звонил Марлен, которая была с ним любезна, но холодна. Дело в том, что к ней пришла еще одна великая любовь — Жан Габен, недавно бежавший в США из оккупированной Франции, был сдержан, немногословен, по-крестьянски основателен, очень силен, и она осаждала его, как хорошо укрепленную крепость.

Габен был голлист, и Марлен, перезнакомившись с людьми из «Свободной Франции», окутала его сетью общих друзей (а попутно переделала свой дом на французский лад и стала носить галльский берет). И только тогда, проведя плодотворную подготовительную работу, она набрала его номер:

— Jean, c'est Marlen...

И началась любовь — да такая, что о ней впору рассказывать сказки.

Она готовила ему французские блюда — луковый суп и петуха в вине. Она устраивала ему съемки. Она проводила с ним уик-энды и порчала по загородному дому с французской живостью — казалось, что у нее и в самом деле изменился характер.

Ей жилось очень весело, а потом Габен, человек добросовестный и основательный, решил, что отсиживаться, когда другие воюют, нельзя — он вступил в армию, уехал бить бошей, и Марлен затосковала.

Она была сильной женщиной: несколько звонков, неделя на сборы, прививки, примерки, прощания — и труппа Дитрих, за-

писавшаяся в Объединенную службу культурно-бытового обслуживания войск, выехала на фронт. Не на Тихий океан, куда ее хотели отправить сначала, а в Алжир: там она надеялась встретить Габена.

Выступления в деревянных бараках и под открытым небом: полумрак, огоньки зажигалок, шелест солдатских брезентовок — ее низкий, чуть хрипловатый голос замолкает, и раздается восторженный молодой рев: «Ма-арлен!» Разбитые в месиво грунтовые дороги, отдающая хлоркой вода, консервы из солдатского пайка... И одна из самых красивых в мировой истории любовных сцен: она бежит вдоль похожих на железных мамонтов «шерманов» французской танковой дивизии, а он, не веря своим глазам, соскакивает с башни, бросается навстречу:

— Дорогая!

— Мильй!

И вот здесь нам лучше расстаться с Марлен Дитрих — то, что произошло потом, выглядит куда хуже.

Через минуту танки зарычали, выпустили облака сизого дыма и двинулись дальше, а Дитрих осталась — ее ждали новые выступления. Она пела, и популярность ее была велика как никогда. Марлен утешала солдат, и ее костюмерша постоянно дежурила у запертого домика, в котором жила звезда, — Дитрих осталась щедрой женщиной, многие из одетых в походную

форму мальчишек запомнят встречу с ней на всю жизнь. Были бои в Арденнах, когда часть, в которой она находилась, окружила эсесовская танковая дивизия — ею командовал ее кузен Зепп Дитрих. Были романы с командующим Третьей армией генералом Паттоном и красавчиком генералом Гэвином, будущим военным комендантом

Берлина. Была жизнь с Габеном в недавно освобожденном Париже и медленное, тусклое, унижительное для обоих умирание любви. А затем она вернулась в Америку, снималась, пела в концертах и понемногу старела, болела, выживала из ума.

Марлен Дитрих умерла в Париже в возрасте восьмидесяти девяти лет, разоренная и оставленная близкими людьми: на старости лет взбунтовался ее муж Руди и попытался жить на свои деньги (из этого, впрочем, ничего не вышло). А дочь предала Марлен уже после ее смерти — она написала о матери такие мемуары, которые порой неловко читать: в них Дитрихы выставлена на обозрение вся — со своими причудами, любовниками, фобиями, плоской грудью и мозолями.

В последние годы старая женщина не выходила из квартиры: она переругивалась с владельцами дома по поводу квартирной платы, редко проветривала комнаты, тиранила служанку, не мылась, не лечила гнилые зубы и катаракту, много пила и бережно хранила в холодильнике прокисший суп. Но это уже была не она...

Настоящая Марлен Дитрих так и осталась в Алжире 1944 года: ей сорок три, на ней собранная на талии десантная куртка и брюки цвета хаки. Забыв обо всем на свете, она бежит вдоль бесконечного ряда боевых машин: под ногами хлопает жирная грязь, сверху ей аплодируют французские танкисты, а навстречу белокурой богине бросается небритый, ошеломленный, радостный Жан Габен...

Алекс Макдермотт

Несколько звонков, неделя на сборы, прививки, примерки, прощания — и Марлен отправилась на фронт в Алжир: там она надеялась встретить Габена